

THEORETICAL AND CRITICAL ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE, DISCOURSE, LITERATURE AND POLITICS IN POLITICAL LINGUISTICS

The article provides a theoretical and critical analysis of the relationship between language, discourse, literature and politics in political linguistics. This relationship was studied in view of the fact that politics and real political process are not only institutionally conditioned spheres of life, but also potentially the entire social space of human life, even if it is not politically meaningful. In this context, the topic of not only language and politics, language in politics and politics in language, but also in general and much more broadly – the topic of theoretical and critical relationship of language, discourse, literature and politics – acquires special scientific interest in political linguistics. That is why the idea of studying language, discourse and literature appears not only as an object of political science, but also as an object of political linguistics and literary studies. The examination of the relationship between these categories and phenomena allowed us to state that: linguistic and literary interpretations are political ones insofar as they are a reconfiguration of the appearance of a common world; political discourse that opposes interpretive and real change is itself the part of the same hermeneutic design as the interpretation it challenges, and therefore it can certainly be political. In general, the article argues that the relationship between language, discourse, literature and politics is not traditionally institutionalized and institutional one (but it may be), but rather non-institutional one, although it may relate to the institutional dimension of politics and political process.

Keywords: language, discourse, literature, ideology, politics, political process.

TEORETYCZNA I KRYTYCZNA ANALIZA ZWIĄZKÓW MIĘDZY JĘZYKIEM, DISKURSEM, LITERATURĄ I POLITYKĄ W LINGWISTYCE POLITYCZNEJ

Artykuł zawiera teoretyczną i krytyczną analizę relacji między językiem, dyskursem, literaturą i polityką w językoznawstwie politycznym. Związek ten badano ze względu na fakt, że polityka i realny proces polityczny to nie tylko instytucjonalnie uwarunkowane sfery życia, ale potencjalnie cała przestrzeń społeczna ludzkiego życia, nawet jeśli nie ma ona znaczenia politycznego. W tym kontekście temat nie tylko języka i polityki, języka w polityce i polityki w języku, ale także w ogóle i znacznie szerzej – temat teoretycznej i krytycznej relacji języka,

dyskursu, literatury i polityki – nabiera szczególnego znaczenia naukowego w językoznawstwie politycznym. Dlatego idea badania języka, dyskursu i literatury pojawia się nie tylko jako przedmiot politologii, ale także jako przedmiot politologii i literaturoznawstwa. Badanie relacji między tymi kategoriami i zjawiskami pozwoliło stwierdzić, że: interpretacje językowe i literackie są interpretacjami politycznymi, o ile stanowią rekonfigurację wyglądu wspólnego świata; dyskurs polityczny, który sprzeciwia się interpretacyjnej i rzeczywistej zmianie, sam w sobie jest częścią tego samego projektu hermeneutycznego, co interpretacja, którą kwestionuje, i dlatego z pewnością może mieć charakter polityczny. Ogólnie rzecz biorąc, w artykule argumentuje się, że relacja między językiem, dyskursem, literaturą i polityką nie jest tradycyjnie zinstytucjonalizowana i instytucjonalna (choć może być), ale raczej pozainstytucjonalna, choć może odnosić się do instytucjonalnego wymiaru polityki i polityki. proces.

Słowa kluczowe: język, dyskurs, literatura, ideologia, polityka, proces polityczny.

Теоретический и критический анализ взаимосвязи языка, дискурса, литературы и политики в политической лингвистике

В статье осуществлено теоретический и критический анализ взаимосвязи языка, дискурса, литературы и политики в политической лингвистике. Эту взаимосвязь проанализировано в контексте того, что политика и реальный политический процесс выступают не только как институционально обусловленные сферы жизни, но потенциальноохватывают все социальное пространство жизни человека, даже в случае, если эта взаимосвязь не осмыслена политически. Исходя из этого особенный научный интерес в политической лингвистике приобретает тематика не только языка и политики, языка в политике и политики в языке, но и в целом и значительно шире – теоретической и критической взаимосвязи языка, дискурса, литературы и политики, соответственно идея исследования языка, дискурса и литературы не только как объекта политической науки, но и политической лингвистики и литературоведения. Рассмотрение связи этих категорий и феноменов позволило констатировать, что: языковые и литературные интерпретации выступают политическими настолько, насколько они являются реконfigurацией видимости общего мира; политический дискурс, который противостоит интерпретационным и реальным изменениям, сам по себе является частью того же герменевтического сюжета что и интерпретация, которой он бросает вызов, а поэтому он обязательно должен быть политическим. В целом в статье доказано, что взаимосвязь языка, дискурса, литературы и политики традиционно не выступает институционализированным и институциональным (хотя и может таковым быть), а по

факту вне институционалиризованным, хотя и может относиться к институциональному измерению политики и политического процесса.

Ключевые слова: язык, дискурс, литература, идеология, политика, политический процесс.

Сегодня в мире не существует ни одного социального явления и аспекта жизнедеятельности которые не могли бы иметь политический или около политический характер, соответственно не привлекали бы внимания политической лингвистики. Даже преимущественно природные и ожидаемо аполитические проблемы, в частности вопросы гендера, литературы и поколений населения все чаще становятся объектами политической лингвистики. Поэтому политика и реальный политический процесс сводятся не только к институциональным сферам жизни, но и охватывают потенциально все социальное пространство жизни человека, даже в случае, если это пространство не осмысленно политически¹. Важным следствием такой позиции выступает факт, что современная политика все больше и больше не ориентируется на классовую борьбу², как было раньше, а фокусируется на аполитических проблемах, на первый взгляд, и нематериалистических ценностях и вопросах. В этом контексте в последнее время особое внимание в политической лингвистике получила тема не только языка и политики, языка в политике и политики в языке, но и в целом и значительно шире – теоретической и критической взаимосвязи языка, дискурса, литературы и политики, а потому и идея исследования языка, дискурса и литературы не только как объекта политической науки но и политической лингвистики и литературоведения. С другой стороны, это стало нормой для междисциплинарных исследований, которые по многим параметрам стали обращаться не только к проблемам языка в объяснении социальной фрагментации и создания различных моделей политического устройства, но и к определению взаимосвязи между целым спектром лингвистических явлений – языком, литературой и дискурсом – и политикой, политическим процессом и властью. При этом, как считает большинство исследователей, причина такого состояния дел достаточно очевидна, поскольку сегодня и язык, и дискурс, и литература все больше не только отражают, но и влияют на социальные и политические структуры власти, межчеловеческие и групповые взаимоотношения, а поэтому служат маркерами социальных, в частности политических ситуаций, событий, условий и отношений. Именно на обозначенном ракурсе проблематики политической лингвистики и будет сфокусировано внимание в данном научном исследовании. Однако вначале внимание будет обращено на взаимосвязи политики и языка, позже – политики и дискурса, и уже после этого – политики и литературы, что, по нашему

¹ Pelinka A., Language as a political category: The viewpoint of Political Science, *Journal of Language and Politics* 2007, vol. 6, nr. 1, s. 129–143

² Lipset S., *Political Man. The Social Bases of Politics*, Wyd. Johns Hopkins University 1981, s. 503–521.

мнению, будет соответствовать логической градации исследуемых категорий средствами именно политической лингвистики и позволит проверить взаимное влияние между обозначенными категориями как в контексте лингвистическом, так и политическом.

Необходимо отметить, что представленная научная тема не может считаться абсолютно новой, поскольку она отражена в публикациях ряда исследователей, теоретиков и практиков из различных сфер знаний и практики. Тем не менее ревизия их идей даст основание констатировать, что публикации по избранной теме, преимущественно, носят обзорный характер и фрагментарны, поскольку даже при очевидной взаимосвязи между языком, дискурсом и литературой (меньшей мерой) и политикой, лингвистика недостаточно успешно и активно интересуется подобным подходом (ракурсом), а точнее его систематизацией и как можно более широким охватом. Главная проблема заключается в том, что филологи и лингвисты понимают обозначенную тему под одним углом зрения и при этом не учитывают другой стороны медали, которая преимущественно политологическая. Иными словами, лингвистическая сторона исследуемой взаимосвязи языка, дискурса, литературы и политики не совсем или вообще достаточно плохо соответствует уровню понимания политологической стороны этого процесса. Соответственно, одним из наших заданий является преодоление обозначенного недостатка современной политической лингвистики, в частности благодаря теоретическому и критическому анализу взаимосвязи языка, дискурса, литературы и политики.

Одновременно политическая лингвистика владеет рядом существенных результатов, и готовыми оценками относительно исследуемого вопроса. Один из них заключается в следующем, что язык и дискурс (в меньшей мере литература) как лингвистические единицы обязательно рассматриваются как определенные конкурентные феномены, явления и процессы, которые неминуемо определяют политические последствия или зависят от политических событий и отношений³. Причина заключается в том, что язык в первую очередь позиционируется и воспринимается как средство достижения целей определенных концептов, в частности: как функция и инструмент коммуникации; как часть символической политики; как причина социальной структуризации и фрагментации с конкретными политическими реакциями и последствиями; как средство пропаганды, соревнования и политической мобилизации. Это определяет, что язык с одной стороны, описывает и определяет политику. Одновременно, с другой стороны, способствует «коррекции» политики⁴. Иными словами, язык одновременно является политическим средством и средством политической пропаганды и манипуляции⁵. А

³ Dallmayr F. *Language and politics: why does language matter to political philosophy*, Wyd. University of Notre Dame 1984.

⁴ Pelinka A. Language as a political category: The viewpoint of Political Science. *Journal of Language and Politics* 2007, vol. 6, nr. 1, s. 129–143.

⁵ Wodak R., Panagl O., *Text und Kontext: Theoriemodelle und methodische Verfahren im transdisziplinären Vergleich*, Wyd. Königshausen & Neumann 2004., s. 87–104.

поэтому «политическая сила» языка, дискурса и даже литературы (в каждом из них присутствует язык) должна быть охарактеризована разносторонним потенциалом⁶, поскольку язык может выступать средством и для, и против просвещения и развития, и для, и против эмансипации, демократии, прав человека, прогресса, модернизации и т.п. Таким образом язык, риторика, дискурс и литература используются в рамках разных политических систем и режимов, но одновременно могут использоваться и как средство/инструмент сопротивления им. Наиболее просто это проявляется в том, что язык и языковая политика могут способствовать формированию национальных государств и этносов, но одновременно могут им и угрожать, вследствие чего вполне очевидно, что роль языка в создании нации и государства может выступать как позитивной или конструктивной, так и негативной или деструктивной. Хотя, мы можем также констатировать, что значение языка в политике может сводиться к минимализации последствий и некоторых иных политических явлений и процессов в том или ином обществе, в частности способствовать уменьшению социальных отличий на основании многообразия культур, религий, этносов, образования и т.д.⁷ Это все знаменует понимание согласно с которым параллельность языков и других факторов общественной и политической жизни ведет к усложнению последних, а соединение – к их упрощению/облегчению.⁸ Другими словами, язык безусловно может выступать составляющей политической инженерии с помощью которой можно решать не только лингвистические или около лингвистические проблемы, но и проблемы, которые, на первый взгляд не выступают предметом интереса политической лингвистики или политической теории.⁹

Таким образом, язык всегда играет определенную роль в политике и политическом процессе. Кроме того, язык выступает или может выступать катализатором, или объяснительным фактором политики и политических процессов в том числе и на уровне нацио- и государственного строительства. Именно поэтому политическое восприятие языка в социальной жизни автоматически делает его фактором политики и общественно-политической мобилизации, отраженной в существовании разнообразных общественных движений и политических организаций.¹⁰ Хотя, как и обозначено выше, это даже вопреки тому, что язык может выступать как инструмент упрощения так и как средство усложнения общественно-политической жизни и политического процесса.¹¹ Таким образом, язык является одним из наиболее сильных факторов определения

⁶ Wodak R., Preface. The power of language in political discourse, *Journal of Language and Politics* 2004, vol. 3, nr. 3, s. 381–383.

⁷ Lijphart A., *Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration*, Wyd. Yale University 1977.

⁸ Oudenaren J., *Uniting Europe. An Introduction to the European Union*, Wyd. Rowman & Littlefield 2005, s. 354–356.

⁹ Gruber H., Menz F., Language and political change: Micro- and macro-aspects of a contested relationship?, *Journal of Language and Politics* 2004, vol. 3, nr. 2, s. 175–188.

¹⁰ Inglehart R., *The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles among Western Publics*, Wyd. Princeton University 1977.

¹¹ Pelinka A., Language as a political category: The viewpoint of Political Science, *Journal of Language and Politics* 2007, vol. 6, nr. 1, s. 129–143.

и распространения социально-политических отличий и формирования политико-мобилизирующих идентичностей и общностей. В этом контексте опыт пангерманизма и панславизма, которые формировались и проявились именно благодаря восприятию и осознанию языковых отличий, и поэтому стали основой конструирования общих культур и наследия в рамках хотя и разных, но одновременно и подобных политий. На основании этого мы можем сделать вывод, что язык как политическое явление бывает разным – более или менее контролируемым, управляемым, формализованным или прикрытым. При этом оценка будет зависеть от разных политических целей и особенностей восприятия языка как способа политики. Именно поэтому даже когда язык выступает общностью нации (а не средством политической и национальной гармонизации), то и политическое многообразие не исключается, а выступает средством политической мобилизации и конкуренции при достижении политических целей и сепарации политических ролей субъектов и объектов политики, элит и масс, социальных и политических групп, организаций, партий с различными идеологиями. Все это дает основание говорить, что язык, как средство влияния и социальной дифференциации, безусловно является политическим феноменом, хотя также может быть и аполитическим, при этом всегда выступает политизированным благодаря своей чувствительности, открытости и требовательности.¹²

Учитывая все это, важным вопросом выступает понимание языка как одного из факторов идеологической структуризации общества и политического пространства. Обозначенная дихотомия является циклической, поскольку одной из важнейших практик на которую влияют идеологии, выступают язык и дискурс, которые также влияют на то, как формируются и изменяются идеологии. Главная причина такого положения вещей заключается в том, что язык и дискурс выступают формами социальной и политической реальности, которые всегда определяются ценностями и нормами, политическими конвенциями, идеологиями и социальными практиками, а также отделены влиянием властных институтов, исторических явлений и процессов.¹³ Соответственно, политический дискурс как средство и маркер взаимосвязи языка и политики формируется идеологически определенными и/или не определенными позициями/мыслями. Одновременно политический дискурс очень часто выступает инструментом обучения и осознания идеологий. А это обозначает, что идеология выступает не прирожденной, а приобретенной особенностью и системой убеждений тех или иных индивидов и групп,¹⁴ поскольку она «приобретается» средствами

¹² Pelinka A., Language as a political category: The viewpoint of Political Science, *Journal of Language and Politics* 2007, vol. 6, nr. 1, s. 129–143.

¹³ Wodak R., *Critical linguistics and critical discourse analysis*, [w:] Verschuren J., Ostaman J., Blommaert J. (eds.), *Handbook of pragmatics-Manual*, Wyd. John Benjamins 1995, s. 204–210.

¹⁴ Van Dijk T., *Principles of Critical discourse analysis*, [w:] Wetherell M. (ed.), *Discourse theory and practice*, Wyd. A Reader 2001, s. 300–317.; Fraser C., Gaskell G., *The social psychological study of widespread beliefs*, Wyd. Clarendon Press Oxford University Press 1990.

языка и политического дискурса. Поэтому особенное значение в дихотомии «язык – идеология» принадлежит власти, которая концептуализирует и с точки зрения асимметрии между участниками политического дискурса, и с точки зрения неодинаковой способности контролировать ими то, как создается. Распространяется и потребляется политический дискурс в конкретных контекстах.¹⁵ Это в свою очередь аргументирует, что язык может одновременно и поддерживать власть, и подрывать к ней доверие, тем самым модифицируя политику, однако в среднем она через политический дискурс денатурализирует политические идеологии¹⁶ и уточняет необходимые ей политические и социальные категории и критерии.¹⁷

Именно поэтому важным заданием выступает определение, сопоставление и разделение таких понятий как «язык политики» и «политика языка», а также обращение к феномену политического дискурса или дискурса в политике и политическом процессе. Дело в том, что сегодня среди представителей прикладной и политической лингвистики все чаще звучит научная позиция согласно которой среди причин происхождения и развития языка необходимо выделять именно политические факторы. И это достаточно релевантно, поскольку язык эволюционно развивался как эффективное средство установления отличий между союзниками и врагами, в частности во время определения того, кто кем выступает в реальном политическом процессе. Иными словами, язык может всегда позиционироваться как главный организационный индикатор формирования «коалиций критического размера» в любой сфере политической жизни. Поскольку большинство партий и политических обществ в мире не относятся к тем, которые используют один язык, а соответственно выбор того, какой язык будут использовать в различных условиях и обстоятельствах выступает политическим делом. Так, с одной стороны, выбор языка одновременно зависит и определяет политические отношения между носителями языка. С другой стороны, выбор языка происходит с учетом реальных, ожидаемых и гипотетических политических санкций. Учитывая это, тематика взаимосвязи языка, дискурса и политики также выходит на исследовательскую плоскость в измененном формате. С одной стороны, ученые интересуются диалектической взаимосвязью между политическими дискурсами о реальности и реальностью как таковой. С другой стороны, исследователи обращаются к проблемам влияния различных форм политических изменений как следствия взаимосвязи языка и политики в том числе при одолжении языковой политики.¹⁸ Это

¹⁵ Nahrkhalaji S., *Language, Ideology and Power: a Critical Approach to Political Discourse*, Wyd. Islamic Azad University Najafabad Branch, źródło: http://research.iaun.ac.ir/pd/shafiec-nahrkhalajiod/pdfs/PaperC_9003.pdf; Wodak R., 1968: *The power of political jargon*, [w:] Wodak R. (ed.), *Language, power, ideology*, Wyd. John Benjamins 1989, s. 137–163.

¹⁶ Tollefson J., *Planning Language, Planning Inequality: Language Policy in the Community*, Wyd. Longman 1991.; Ricento T., *Ideology, Politics and Language Policies: Introduction*, [w:] Ricento T. (ed.), *Ideology, Politics and Language Policies: Focus on English*, Wyd. Benjamins 2000, s. 1–8.

¹⁷ Fairclough N., *Critical discourse analysis*, Wyd. Longman 2010.

¹⁸ Gruber H., Menz F., *Language and political change: Micro- and macro-aspects of a contested relationship?*, *Journal of Language and Politics* 2004, vol. 3, nr. 2, s. 175–188.

обозначает, что постепенно происходит существенное расширение понимания языка и как формы политической практики¹⁹, и как абстрактной системы, а соответственно и предметной сферы взаимосвязи языка и политики – в форме влияния формальных и неформальных политических институтов, акторов, процессов и систем на систему языка.²⁰

Теоретически это обозначает, что важности взаимосвязи языка и политики является обусловленной различными векторами влияния и имеет различные направления развития.²¹ Одни исследователи считают, что политика ни в коем случае не может формироваться и реализовываться без языка, поскольку использование языка социальными группами неминуемо приводит к оформлению политики в широком контексте. Это обозначает, что язык должен восприниматься как политическое явление, а соответственно политика – как дискурсивное явление.²² В ретроспективе проявлением этого была позиция многих мыслителей о том, что ораторское искусство является важным для дел государства и граждан, а риторика – это мощный фактор формирования политической веры и действий. Вместе с тем в текущем формате и в перспективе связь между языком и политикой является и будет оставаться предметом ряда дисциплин и будет научным интересом многих исследователей,²³ которые говорят о специфической роли дискурса и языка в конструировании реального и ожидаемого политического процесса и отношений по поводу власти.²⁴ Все это несомненно имеет значение поскольку анализ политического дискурса предполагает социально ориентированное исследование политики на границе политического дискурса и политических институтов, а поэтому предполагает изучение языка и языковых практик именно в политических условиях.²⁵ Причина в том, что язык выступает «понятийной линзой» изучения политики, политических явлений, действий, институтов и процессов, которая «составлена из слов и около слов»,²⁶ поскольку категории политики имеют отношение к языковым способам взаимодействия и достижения властных целей.²⁷ Другими словами, язык является стратегическим ресурсом с помощью которого политики получают и реализуют власть. Поскольку

¹⁹ Fairclough N., *Language and Social Change*, Wyd. Polity Press 1992.

²⁰ Reisigl M., *Wie man eine Nation herbeiredet. Eine diskursanalytische Untersuchung zur sprachlichen Konstruktion der österreichischen Nation und österreichischen Identität in politischen Fest- und Gedenkreisen*, Wien 2003, s. 123.

²¹ Dunmire P., *Political Discourse Analysis: Exploring the Language of Politics and the Politics of Language*, *“Language and Linguistics Compass”* 2012, vol. 6, nr. 11, s. 735–751.

²² Pelinka A., *Language as a political category: The viewpoint of Political Science*, *“Journal of Language and Politics”* 2007, vol. 6, nr. 1, s. 129.

²³ Blommaert J., *Language and politics, language politics and political linguistics*, *“Belgian Journal”* 1997, vol. 11, s. 1–10.; Pelinka A., *Language as a political category: The viewpoint of Political Science*, *“Journal of Language and Politics”* 2007, vol. 6, nr. 1, s. 129–143.; Wodak R., Kirsch P., *Langue du Bois*, Wyd. Passagen Verlag 1995.

²⁴ Van Dijk T., *What is political discourse analysis? Political linguistics*, [w:] Blommaert J., Bulcean C. (eds.), *Political linguistics*, Wyd. John Benjamins 1997, s. 11, 12, 15.; Chilton P., *Analysing political discourse: theory and practice*, Wyd. Routledge 2004, s. 23.

²⁵ Okulska U., Cap P., *Analysis of political discourse: landmarks, challenges, and prospects*, [w:] Okulska U., Cap P. (eds.), *Perspectives in politics and discourse*, Wyd. John Benjamins 2010, s. 3–4.

²⁶ Bell D., *Power, influence, and authority: an essay on political linguistics*, Wyd. Oxford 1975, s. 12.

²⁷ Bell D., *Political linguistics and international negotiations*, *“Negotiations Journal”* 1988, vol. 4, nr. 3, s. 233–246.

политические заявления ни в коем случае не являются «прохладными», объективными или понятными высказываниями, а функционируют как «сетка безопасности» для достижения политических целей, создания союзов и оппозиционных групп и для представления национального единства.²⁸

Своеобразным «политическим переворотом в восприятии языка»²⁹ стало заявление о том, что создание смысла является важным для политической практики и конструирования убеждений о событиях, политике, лидерах, проблемах и кризисах, которые или рационализируют, или ставят под сомнение существующие политические отличия.³⁰ Дело в том, что «политический язык выступает политической реальностью», поскольку конфликтов относительно смысла/сенса нет, то и вопросы, которые поднимаются не являются политическими. А это обозначает, что смысловые практики политики включают в себя как политические действия, так и политический язык для их интерпретации.³¹ Подобным за своим значением выступает вывод о факте «радикального переплетения между текстом и политической практикой»³² и, на этой основе, отрицание вывода о адекватности восприятия политического опыта как «автономной и полностью сформированной сущности» которую необходимо описывать с помощью «правильных языковых образцов».³³ С этой точки зрения исследователи более часто призывают к пониманию политического языка как общей фразы, которая в себя включает все типы публичных, институционных и частных разговоров на политические темы, все типы текстов, характерных для политики, а также всех лексических и стилистических языковых инструментов, которые характеризуют разговоры о политических текстах.³⁴ В итоге магистральным направлением осмысления многими учеными стала попытка политизации языковых практик ежедневной жизни путем определения и демистификации власти и авторитета через текст и язык.³⁵ И это при том, что исследования политического дискурса существенно расширились и обращаются к учету роли коммуникации внутри политических организаций и уникального стиля политиков, политических выступлений, политической риторики, стратегий манипуляции и убеждений.³⁶

²⁸ Hudson K., *The language of modern politics*, Wyd. MacMillan 1978, s. 41, 61.; Dallmayr F., *Language and politics: why does language matter to political philosophy*, Wyd. University of Notre Dame 1984, s. 2.

²⁹ Dunmire P., *Political Discourse Analysis: Exploring the Language of Politics and the Politics of Language*, "Language and Linguistics Compass" 2012, vol. 6, nr. 11, s. 735–751.

³⁰ Edelman M., *Political language: words that succeed and policies that fail*, Wyd. Academic Press 1977.

³¹ Edelman M., *The symbolic uses of politics*, Wyd. University of Illinois Press 1964, s. 1.

³² Shapiro M., *Language and political understanding: the politics of discursive practices*, Wyd. Yale University Press 1981.; Shapiro M., *Language and politics*, Wyd. New York University Press 1984.

³³ Shapiro M., *Language and political understanding: the politics of discursive practices*, Wyd. Yale University Press 1981, s. 19.

³⁴ Burkhardt A., *Politlinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung*, [w:] Klein J., Diekmannshenke H. (eds.), *Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation*, Wyd. de Gruyter 1996, s. 79.

³⁵ Dunmire P., *Political Discourse Analysis: Exploring the Language of Politics and the Politics of Language*, "Language and Linguistics Compass" 2012, vol. 6, nr. 11, s. 735–751.

³⁶ Holzschleiter A., *Power of discourse and power in discourse: an investigation of transformation and exclusion in the global discourse of childhood*, Wyd. FU Berlin 2005.; Wodak R., *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*, Wyd. Springer 2009.

Объединяет эти подходы связи языка и политики понимание в соответствии с которым любой политический процесс и политические институты обязательно будут отражены в политическом дискурсе и обязательно будут определяться дискурсивным характером.³⁷ В одном случае это полностью очевидно, когда речь идет о практических действиях которые по своей природе являются языковыми действиями (например когда мы имеем в виду клятвы, обещания, критику, призывы и т.д.)³⁸, но в другом случае это не так очевидно, когда определенные политические события и явления маскируются, но не легитимизируются. Кроме этого, политическая борьба за власть бывает достаточно часто связана не только с использованием слов, но и с противостоянием «за» или «против» использования определенной лексики в политическом дискурсе. Таким образом политика планируется и осуществляется в политических дискуссиях и конкуренции, которые осуществляются с помощью языка, пребывают с ним в связи и касаются его.³⁹ В итоге это обозначает, что политическим дискурсом выступает коммуникационное действие или событие в сфере идеологии, которое позволяет его участникам формулировать и высказывать абстрактные идеологические убеждения и означает письменный или устный, заверченный или длящийся продукт коммуникативной деятельности, который интерпретируется реципиентами на фоне знаний и восприятия политической реальности. Именно поэтому политический дискурс аксиологически/ценностно отражает широкий коммуникативный и социальный контекст его производства, групповые и индивидуальные варианты его восприятия и прагматические, прецедентные, стилистические и функциональные аспекты обозначения им политической карты мира.⁴⁰ И в этом, в свою очередь, проявляется непрерывная, хотя достаточно часто и манипулятивная взаимосвязь между языком и политикой, поскольку она преимущественно проявляется в дихотомии «свой – чужой» или «друг – враг». Поэтому это выявляет способность политического дискурса служить, с одной стороны, производству интерпретации ментальности, а с другой стороны – конструированию и категоризации политической реальности свойственной определенной политической группе.

Одновременных исследованиях, которые направлены на изучение взаимосвязи языка/дискурса и политики обе категории должны рассматриваться специально. В частности, политика должна пониматься и широко и узко⁴¹, и должна интерпретироваться как категория, которая может быть реализована на микро и

³⁷ Андрухина Т., Язык власти и власть языка: политический дискурс, *Право и управление. XXI век* 2013, nr. 3, s. 62–69.

³⁸ Шейгал Е., *Семиотика политического дискурса*, Волгоград 2000.

³⁹ Fairclough N., *Language and Power*, London 1989.

⁴⁰ Андрухина Т., Язык власти и власть языка: политический дискурс, *Право и управление. XXI век* 2013, nr. 3, s. 62–69.

⁴¹ Chilton P., *Analysing political discourse: theory and practice*, Wyd. Routledge 2004.; Chilton P., Schaffner C., *Introduction: themes and principles in the analysis of political discourse*, [w:] Chilton P., Schaffner C. (eds.), *Politics as text and talk*, Wyd. John Benjamins 2002, s. 1–41.; Van Dijk T., *What is political discourse analysis? Political linguistics*, [w:] Blommaert J., Bulcaen C. (eds.) *Political linguistics*, Wyd. John Benjamins 1997, s. 11–52.

макроуровне. Именно поэтому ученые достаточно часто расходятся в своем подходе по поводу предмета взаимосвязи языка и политики. Так, некоторые из них настаивают на достижении такой взаимосвязи только в формате дискурса, выработанного политическими акторами⁴², при этом другие считают, что предметным полем заинтересованности политическим дискурсом должна выступать максимально широкая конструкция понимания политики, которая выходит за рамки политического процесса. В свою очередь, язык должен пониматься как система, которая постоянно и неминуемо пронизана или вообще не пронизана терминами политики. Поэтому любой вариант дискурса по своей конструкции и за логикой выступает политическим, поскольку он выступает местом борьбы и «смысловым пространством» в котором вырабатываются и/или ставятся под сомнение политические смыслы.⁴³ Именно поэтому политический дискурс как таковой и в различных формах или жанрах наполненный конфликтами и синергией, противоречиями и компромиссами, а также похвалами и недоброжелательностью, критикой и поддержкой и т.д. Вследствие этого благодаря хитрому и рискованному характеру политики и особенной силе языка (слова, текст или дискурс), политические акторы и институты иногда общаются/коммуницируют и взаимодействуют непонятным, не четким и «осторожным» образом, то есть опосредованно.⁴⁴ Это обозначает, что различными выступают смыслы и понимание, которые можно получить на основании использования различных концептов и техник дискурса, в частности в рамках соотношения власти, идеологии, этики и политических представлений или предубеждений.⁴⁵ Именно поэтому политический дискурс может быть или не быть манипулятивным, но он ведет к достижению новой сущности политики. В силу этого политическая риторика может выступать «врагом»⁴⁶ и «другом» истины⁴⁷, даже вопреки тому, что она практически всегда достаточно расплывчатая.

Это, пожалуй, наиболее эффективно проявляется по линии взаимосвязи политики и литературы или в работах отдельных литераторов, которые говорят о политике литературы. В данном случае во внимание принимается не политика отдельных писателей и их групп, то есть не их личная симпатия к определенным социальным и политическим вопросам и политической конкуренции или же не способы представления/подачи ими политических событий или социальной структуры и социальной борьбы. А тот факт, что литература «делает» политику литературой, то есть что существует определенная связь

⁴² Van Dijk T., *What is political discourse analysis? Political linguistics*, [w:] Blommaert J., Bulcaen C. (eds.) *Political linguistics*, Wyd. John Benjamins 1997, s. 13.

⁴³ Seidel G., *Political discourses analysis*, [w:] Dijk T. (ed.), *Handbook of discourse analysis: discourse analysis in society*, Wyd. Academic Press 1985, s. 43–60.

⁴⁴ Obeng S., Language and politics: indirectness in political discourse, *Discourse & Society* 1997, vol. 8, nr. 1, s. 49–83.

⁴⁵ Wilson J., *Politically Speaking: The Pragmatic Analysis of Political Language*, Wyd. Blackwell 1990.

⁴⁶ Orwell G., *Politics and the English Language*, [w:] Goshgarian G. (ed.), *Exploring Language*, Wyd. Scott, Foreman 1989.

⁴⁷ Obeng S., Language and politics: indirectness in political discourse, *Discourse & Society* 1997, vol. 8, nr. 1, s. 49–83.

между политикой, как определенным способом социальной жизни, и литературой, как определенной практикой лингвистики и передачи языка и дискурса.⁴⁸

В этом контексте важно, что политика традиционно рассматривается как практика власти или реализация коллективной воли и интересов, реализация коллективных идей и планов. Иными словами, политикой в действительности является то, что выступает совокупностью представлений и практик, которые формируют наш общий мир. В виду этого, политика – это в первую очередь способ создания среди сенсорных данных специфической сферы опыта. Поэтому в литературном или, в целом, лингвистическом подходе политика – это часть разумного, видимого и сказанного, которая позволяет (или не разрешает) проявлять определенные конкретные данные, а также разрешает или не разрешает некоторым конкретным субъектам обозначать их и говорить о них. Параллельно с этим, политика в таком контексте – это специфическое переплетение способов существования/бытия, способов осуществления действий и способов использования языка. Из этого следует, что политика литературы обозначает, что литература как таковая принимает участие в таком распределении высказанного и видимого, а также находится в переплетении бытия, действий и высказываний, которые охватывают полемический мир.⁴⁹

Весомое значение в этом контексте имеет понимание самого понятия «литература». Удивительно, но среди политических или общественных комментаторов литературы мало кто обратил внимание на собственно историчность литературы. Более того, среди всех, осуществленных попыток в этом направлении, только некоторые ученые настойчиво стремились связать литературу (рассматриваемую как историческое название искусства письма) и политику, которая рассматривалась ими как исторический набор сил, событий и проблем. Другие в то же время пытались дать конкретное содержание понятию «литература». На этой основе вначале взаимосвязь между литературой и политикой была не совершенной или не было способа связать между собой литературную нечувствительность и реальные политические действия. Вследствие этого «искусство ради искусства» рассматривалось политическим обязательством, а взаимосвязь между литературной нечувствительностью и материалистической рациональностью революционной политики было не существенным. Вследствие этого поэты в прошлом и сегодня преимущественно используют слова как вещи и не были сторонниками политического использования коммуникативного языка. При этом прозаики наоборот использовали слова как средство общения и автоматически обращались к конструированию общего мира. Хотя целиком очевидно и то, что отождествление литературы с определенным состоянием или использованием языка не

---

⁴⁸ Ranciere J., *The Politics of Literature*, "SubStance" 2004, vol. 103 (nr. 33, is. 1), s. 10–24.

⁴⁹ Ranciere J., *The Politics of Literature*, "SubStance" 2004, vol. 103 (nr. 33, is. 1), s. 10–24.

имеет реального лингвистического значения и поэтому не может обосновывать любой специфики литературы или ее политической направленности и контекста.

Все это означает, что литература, как таковая, задумана не как искусство письма вообще и не как конкретное состояние языка, а как исторический способ наглядности письма, а также конкретная связь между системой значения слов и системой видимости вещей. В таком разрезе литература достаточно часто выступает противостоянием двух способов связи смысла и действий, ограничением соотношения, сказанного и видимого, реализацией слов силой ограничения общего мира. При этом, очень важное значение в этом контексте имеет определение философско-политического значения поэзии, которое впервые оформилось еще во времена Аристотеля. Этот мыслитель в свое время отмечал, что поэзия – это выдумка, а поэтому вполне очевидно, что поэтичность может предполагать политичность. Дело в том, что именно в поэзии мы находим иерархию, которая противостоит причинно-следственной рациональности действий эмпиризма жизни.⁵⁰ Поэтому поэзия, по мнению Аристотеля, выступает более «философской», чем история, поскольку поэзия создает причинно-следственные сюжеты, которые связывают события в целое, тогда как история только рассказывает о политических событиях по мере их развития. Именно это было основанием для разделения в свое время всей художественной литературы на различные жанры. В частности, более высокие/изысканные жанры, посвященные исследованию благородных действий и персонажей, а также простые/низкие жанры, посвященные простым людям и базовым потребностям жизни. И даже более, поскольку жанровая иерархия также подчинила стиль литературы принципу иерархического удобства: короли должны были действовать и говорить так, как это делают короли, а простые люди – так, как это делают обычные люди. Именно на этой основе ранее возможно было конструировать политику литературы, в частности противопоставляя эгалитарный принцип равнодушию/нейтральности иерархического закона «старого режима». Кроме этого, именно в этом контексте литература противопоставила свою «демократичность» (как конкретный режим высказывания/информирования, следствием которого является нарушение каких-либо устойчивых взаимосвязей между манерой говорить, манерами работы и манерами бытия) представительской иерархии.⁵¹

Все это ведет к достаточно интересной связи между литературой, наукой и политикой. В рамках этой связи литература делает своеобразную «публичную политику» или «метаполитику». При этом, принцип этой «политики» заключается в том, чтобы оставить общий этап конфликта воле/судьбе и чтобы «изучать» в подполье общество и «читать симптомы истории».⁵² Даже больше, поскольку этот принцип отдаляет социальные

⁵⁰ Ranciere J., The Politics of Literature, "SubStance" 2004, vol. 103 (nr. 33, is. 1), s. 10–24.

⁵¹ Ranciere J., The Politics of Literature, "SubStance" 2004, vol. 103 (nr. 33, is. 1), s. 10–24.

⁵² Ranciere J., The Politics of Literature, "SubStance" 2004, vol. 103 (nr. 33, is. 1), s. 10–24.

ситуации и персонажей от их ежедневной реальности и отражает то, кем они являются в действительности, через фантазмагорическую ткань поэтических знаков, которые выступают историческими симптомами. Причина в том, что природа поэтических знаков такая же, как и природа исторических результатов и политических симптомов. В этом смысле «политика» литературы возникает как отказ или возражение «политики» ораторов и силовиков, которые воспринимают ее как борьбу воли и общественно-политических интересов. Таким образом литература, как такая, демонстрирует «двойную политику» и двойную манеру перенастройки конфиденциальных данных. Поскольку, с одной стороны, литература отражает силу литературности и «немого» листа, что нарушает не только иерархию репрезентативной системы, но и любой принцип адекватности между способом существования и способом высказывания. Однако, с другой стороны, литература запускает другую «политику немого листа» и своеобразную «производную политику» или «метapolитику», которая заменяет расшифровку «немого значения». Из этого следует, что «политика» литературы проявляется конфликтом политики литературности и политики симптоматического чтения. В силу этого политика литературы несет в себе противоречие, которое можем решить лишь само принуждением.

Со всего этого можем сделать несколько выводов которые касаются взаимосвязи языка, дискурса, литературы и политики, в частности о том, что: языковые и литературные интерпретации являются политическими настолько, насколько они являются реконfigurацией видимости общего мира; политический дискурс, который противостоит интерпретационным и реальным изменениям сам по себе является частью того же герменевтического сюжета что и интерпретация которой он бросает вызов, а поэтому он неминуемо может быть политическим. Обобщая это обозначает, что взаимосвязь языка, дискурса, литературы и политики традиционнне является институционализированной (однако все-таки таковой может быть), а де факто, выступает вне институционной хотя и может касаться институционного измерения политики и политического процесса.

Использованная литература:

1. Bell D., Political linguistics and international negotiations, "Negotiations Journal" 1988, vol. 4, nr. 3, s. 233–246.
2. Bell D., *Power, influence, and authority: an essay on political linguistics*, Wyd. Oxford 1975.
3. Blommaert J., Language and politics, language politics and political linguistics, "Belgian Journal" 1997, vol. 11, s. 1–10.
4. Burkhardt A., *Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung*, [w:] Klein J., Diekmannshenke H. (eds.), *Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation*, Wyd. de Gruyter 1996.
5. Chilton P., *Analysing political discourse: theory and practice*, Wyd. Routledge 2004.

6. Chilton P., Schaffner C., *Introduction: themes and principles in the analysis of political discourse*, [w:] Chilton P., Schaffner C. (eds.), *Politics as text and talk*, Wyd. John Benjamins 2002, s. 1–41.
7. Dallmayr F., *Language and politics: why does language matter to political philosophy*, Wyd. University of Notre Dame 1984.
8. Dunmire P., Political Discourse Analysis: Exploring the Language of Politics and the Politics of Language, *“Language and Linguistics Compass”* 2012, vol. 6, nr. 11, s. 735–751.
9. Edelman M., *Political language: words that succeed and policies that fail*, Wyd. Academic Press 1977.
10. Edelman M., *The symbolic uses of politics*, Wyd. University of Illinois Press 1964.
11. Fairclough N., *Critical discourse analysis*, Wyd. Longman 2010.
12. Fairclough N., *Language and Power*, London 1989.
13. Fairclough N., *Language and Social Change*, Wyd. Polity Press 1992.
14. Fraser C., Gaskell G., *The social psychological study of widespread beliefs*, Wyd. Clarendon Press Oxford University Press 1990.
15. Gruber H., Menz F., Language and political change: Micro- and macro-aspects of a contested relationship?, *“Journal of Language and Politics”* 2004, vol. 3, nr. 2, s. 175–188.
16. Holzschleiter A., *Power of discourse and power in discourse: an investigation of transformation and exclusion in the global discourse of childhood*, Wyd. FU Berlin 2005.
17. Hudson K., *The language of modern politics*, Wyd. MacMillan 1978.
18. Inglehart R., *The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles among Western Publics*, Wyd. Princeton University 1977.
19. Lijphart A., *Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration*, Wyd. Yale University 1977.
20. Lipset S., *Political Man. The Social Bases of Politics*, Wyd. Johns Hopkins University 1981.
21. Nahrkhalaji S., *Language, Ideology and Power: a Critical Approach to Political Discourse*, Wyd. Islamic Azad University Najafabad Branch, źródło: http://research.iaun.ac.ir/pd/shafiee-nahrkhalajoid/pdfs/PaperC_9003.pdf
22. Obeng S., Language and politics: indirectness in political discourse, *“Discourse & Society”* 1997, vol. 8, nr. 1, s. 49–83.
23. Okulska U., Cap P., *Analysis of political discourse: landmarks, challenges, and prospects*, [w:] Okulska U., Cap P. (eds.), *Perspectives in politics and discourse*, Wyd. John Benjamins 2010.
24. Orwell G., *Politics and the English Language*, [w:] Goshgarian G. (ed.), *Exploring Language*, Wyd. Scott, Foreman 1989.
25. Oudenaren J., *Uniting Europe. An Introduction to the European Union*, Wyd. Rowman & Littlefield 2005.
26. Pelinka A., Language as a political category: The viewpoint of Political Science, *“Journal of Language and Politics”* 2007, vol. 6, nr. 1, s. 129–143.
27. Ranciere J., The Politics of Literature, *“SubStance”* 2004, vol. 103 (nr. 33, is. 1), s. 10–24.
28. Reislgl M., *Wie man eine Nation herbeiredet. Eine diskursanalytische Untersuchung zur sprachlichen Konstruktion der österreichischen Nation und österreichischen Identität in politischen Fest- und Gedenkreden*, Wien 2003.

29. Ricento T., *Ideology, Politics and Language Policies: Introduction*, [w:] Ricento T. (ed.), *Ideology, Politics and Language Policies: Focus on English*, Wyd. Benjamins 2000, s. 1–8.
30. Seidel G., *Political discourse analysis*, [w:] Dijk T. (ed.), *Handbook of discourse analysis: discourse analysis in society*, Wyd. Academic Press 1985, s. 43–60.
31. Shapiro M., *Language and political understanding: the politics of discursive practices*, Wyd. Yale University Press 1981.
32. Shapiro M., *Language and politics*, Wyd. New York University Press 1984.
33. Tollefson J., *Planning Language, Planning Inequality: Language Policy in the Community*, Wyd. Longman 1991.
34. Van Dijk T., *Principles of Critical discourse analysis*, [w:] Wetherell M. (ed.), *Discourse theory and practice*, Wyd. A Reader 2001, s. 300–317.
35. Van Dijk T., *What is political discourse analysis? Political linguistics*, [w:] Blommaert J., Bulcean C. (eds.) *Political linguistics*, Wyd. John Benjamins 1997.
36. Wilson J., *Politically Speaking: The Pragmatic Analysis of Political Language*, Wyd. Blackwell 1990.
37. Wodak R., *1968: The power of political jargon*, [w:] Wodak R. (ed.), *Language, power, ideology*, Wyd. John Benjamins 1989, s. 137–163.
38. Wodak R., *Critical linguistics and critical discourse analysis*, [w:] Verschuren J., Ostaman J., Blommaert J. (eds.), *Handbook of pragmatics-Manual*, Wyd. John Benjamins 1995, s. 204–210.
39. Wodak R., Preface. The power of language in political discourse, *Journal of Language and Politics* 2004, vol. 3, nr. 3, s. 381–383.
40. Wodak R., *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*, Wyd. Springer 2009.
41. Wodak R., Kirsch P., *Langue du Bois*, Wyd. Passagen Verlag 1995.
42. Wodak R., Panagl O., *Text und Kontext: Theoriemodelle und methodische Verfahren im transdisziplinären Vergleich*, Wyd. Königshausen & Neumann 2004.
43. Андрюхина Т., Язык власти и власть языка: политический дискурс, *Право и управление. XXI век* 2013, nr. 3, s. 62–69.
44. Шейгал Е., *Семиотика политического дискурса*, Волгоград 2000.